

ногайского общества последних 10 лет, а также использовать и новые, более современные подходы к этнографическому изучению явлений.

Сильной стороной монографии, безусловно, является привлечение автором различных видов источников – архивных, литературных, полевых, собранных автором с 1970 по 1999 гг. Тем не менее, как представляется, автор все же в основном использовал материалы до 1990-х годов, и это явный минус – в книге мы не увидели описания тех изменений, которые произошли в постсоветское время, в частности, вообще не прослеживается роль бурного процесса исламского возрождения, имевшего место на всем Северном Кавказе, в том числе и в ногайском обществе. Автору следовало в большей степени привлечь источники постсоветского времени и уделить трансформациям этого периода должное внимание. Например, Р.Х. Керейтов пишет о роли в современном ногайском обществе родоплеменного фактора во всех сферах жизни, но подробно на этом не останавливается и не анализирует роль родоплеменной структуры в наши дни.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемая книга ярко свидетельствует о том, что этнографическое казказоведение во многом еще не дало ответ на вопрос: чем определяется общность многих (если не большинства) элементов культуры народов Кавказа – общим происхождением, взаимным влиянием, внешними заимствованиями? В этом плане исследование Р.Х. Керейтова можно считать весьма успешным опытом, который демонстрирует не только сложность подобной проблемы, но и указывает возможные пути ее успешного разрешения.

Литература

Калмыков и др. 1988 – *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы. Черкесск, 1988.

Керейтов – Керейтов Р.Х. К истории некоторых ногайских фамилий. Черкесск, 1994.

Керейтов 1996 – *Керейтов Р.Х.* Орда пашню пахала на Куме: Очерки истории и этнографии кумских ногайцев. Минводы, 1996.

Керейтов 1999 – *Керейтов Р.Х.* Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев). Ставрополь, 1999.

ЭО, 2010 г., № 1

© **И.Л. Бабич.** Рец. на: *И.Р. Миннуллин. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.).* Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 220 с.

Религиоведческие исследования, затрагивающие различные аспекты истории становления религий в России и их современное состояние, вызывают несомненный и постоянный интерес у читателей. Во многом это связано с тем, что мусульмане, развивающие так называемый политический ислам, активно создают собственную историю религии, подчас сильно искажая ее своими мифологическими построениями. В этом контексте книга И.Р. Миннуллина, подготовленная в Институте истории Республики Татарстан, представляет огромный интерес, поскольку она объективно и скрупулезно исследует историю ислама в одном из наиболее “исламских” регионов России – Татарстане, начиная с первых лет советской власти и заканчивая 1940-ми годами.

Надо сказать, что в современных исследованиях по исламу советский период его истории в России вообще, и в Татарстане в частности до сих пор вызывает неоднозначную оценку: как справедливо пишет автор, «с одной стороны, религия в эту эпоху основательно утратила свой потенциал, а с другой – консервация мусульманских устоев в сознании их носителей стала основой “исламского возрождения” 1990-х гг. в России» (с. 3). Поэтому рассмотрение И.Р. Миннуллинским истории бытования ислама, мусульманского духовенства, мечетей и прихожан в Татарстане в 1920–1930-е годы во многом позволяет проследить корни многих негативных явлений, появившихся в современном “исламском возрождении”, которое в последнее время чаще называют “исламской мутацией”.

И.Р. Миннуллин грамотно продумал структуру своей монографии. Проблему соотношения ислама и власти в 1920–1930-е годы он разобрал с трех ключевых сторон: правового статуса мусульманского духовенства, основных тенденций в государственно-партийных органах совет-

---

Ирина Леонидовна Бабич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: irina@babich1.net

ского государства, развития системы религиозных институтов, в том числе и мусульманского образования. Книга написана на основе огромного количества собранных автором документов из различных архивов Республики Татарстан, в том числе и наиболее интересных для нас судебно-следственных дел, отражающих характер репрессий в отношении мусульманских лидеров и вообще духовенства в 1920–1930-е годы.

Среди наиболее существенных замечаний, которые хотелось бы высказать, важным для нас является отсутствие исторической связи между исламской жизнью татар в 1920-е годы и их жизнью в начале XX в. Как известно, начало XX в., 1900–1910-е годы были для татарского общества взлетом, подъемом в жизни мусульман, что выражалось и в активной общественной деятельности крупных исламских лидеров мусульманской фракции Государственной Думы всех созывов, и в модернизации системы исламского образования в рамках движения джаддистов и т.д. Но автор абсолютно игнорирует этот огромный и важный пласт жизни татар. Совершенно очевидно, что бытование религии в 1920-е годы не могло не быть связано с этим периодом, и многие явления 1920-х годов, несмотря на советские радикальные преобразования, своими корнями уходят именно в этот дореволюционный период.

Первый и очень интересный вывод, который делает И.Р. Миннуллин, – то, что в Татарстане примерно до 1920-х годов количество мечетей, приходов, мусульманских школ *продолжало расти*. Ситуация стала меняться постепенно, и к началу войны практически все религиозные организации на территории Татарстана были ликвидированы; к 1947 г. в республике официально работало 16 мечетей и столько же мулл.

Второй важный аспект, на котором останавливается автор, – поддержка мусульманами, и главным образом мусульманским руководством, советской власти. Это так называемое движение красных шариятистов, о которых мы писали применительно к Северному Кавказу (Бабиц 1999: 200). Интересно, что такое движение было и в Татарстане, и И.Р. Миннуллин показывает историю взаимоотношений мусульманского духовенства и советской власти в этом регионе. Вплоть до 1926 г. советские органы занимали *выжидательную позицию*, не предпринимая никаких радикальных действий по отношению к местным мусульманам. А мусульмане в свою очередь во многом поддерживали советскую власть в Татарстане, чем и объясняется появление такой достаточно многочисленной группы, как красные шариятисты, – как показывает рецензируемая книга, у мусульман Татарстана были *основания* надеяться, что советская власть действительно станет их союзником в деле исламского развития.

Автор затрагивает еще одну очень интересную тему: появление двух типов мусульманских лидеров – “консервативных” и “прогрессивных” имамов (иногда их делят на “старомечетников” и “левых мулл”). Данное деление возникло в научной литературе в связи с проявившейся в 1920-е годы тенденцией к модернизации ислама. Причем в Татарстане был и другой критерий дифференциации местных имамов: экономический. Мусульманское духовенство резко делилось на бедных и зажиточных, что, безусловно, не способствовало единству мусульман и созданию на этой базе мощной политической силы, противостоявшей натиску большевиков.

Представляется важным подчеркнуть, что для нас, читателей, стало открытием следующее обстоятельство, подробно описанное И.Р. Миннуллиным. Оказывается, татарское духовенство, несмотря на свою глубокую дореволюционную историю, не сумело стать реальной религиозно-политической силой, способной противостоять большевикам, в результате чего религиозная жизнь татар становилась все скуднее и скуднее. Более того, достаточно массовым было такое явление, как отказ мусульманского духовенства от исполнения своих духовных обязанностей. Первые подобные случаи отмечены с самого начала установления советской власти в Татарстане, и особенно участились они в период ужесточения политики государства по отношению к духовенству.

В связи с этим автор обратился и к другой, в настоящее время очень актуальной, проблеме – формированию в 1920–1930-е годы мощной мусульманской оппозиции за рубежом, главным образом в Париже, и в первую очередь к движению крупных мусульманских лидеров Г. Исахи, З. Валиди, М. Бигиева.

В целом сама по себе антирелигиозная политика в Татарстане на рубеже 1920–1930-х годов не отличалась своеобразием. Как показано в книге, советские власти понимали, что если перегибы по отношению к христианским культам вызовут негативную реакцию только в западных государствах, то мощная антиисламская пропаганда вызовет массовое движение в восточных странах. Поэтому советские идеологи борьбы с татарским исламом применили ряд тактических маневров, одним из которых стало введение системы налогообложения духовенства и мечетей.

И наконец, автор подробно останавливается на политических репрессиях в отношении как мусульманского руководства, так и простых прихожан мечетей. И здесь встает любопытный

вопрос: если, как нам известно, многие православные священники, репрессированные в 1930-е годы, действительно вели антисоветскую пропаганду, то мусульманские лидеры, как правило, не занимались политической деятельностью и вели исключительно религиозную пропаганду. Автор настаивает: несмотря на то, что татарских мусульман обвиняли в связях с эмигрантской тюркско-татарской организацией “Идел-Урал”, которая располагалась в Европе и лидеры которой, в частности упоминавшийся выше Г. Исхаки, стремились установить тесные контакты с мусульманскими лидерами Татарстана, эти обвинения *не имели реальных оснований. В Татарстане не было антисоветских мусульманских движений.* По нашему мнению, все же эти связи имели место, и, возможно, татарские лидеры вели антисоветскую пропаганду и работу, однако материалы И.Р. Миннуллина пока это не подтверждают. Поэтому пожелаем молодому исследователю продолжить поиск новых архивных и иных материалов для того, чтобы всестороннее и детальнее рассмотреть ряд ключевых аспектов истории ислама в советском Татарстане. Например, автор совсем не обращается к такому важному источнику, как *устная история.* Думается, что полевые этнографические материалы помогли бы автору решить многие из поставленных, но пока еще не до конца решенных проблем истории татарского ислама.

Литература

Бабич 1999 – Бабич И.Л. Правовая культура адыгов. М., 1999.

ЭО, 2010 г., № 1

© А.О. Захаров. Рец. на: *L.Y. Andaya. Leaves of the Same Tree: Trade and Ethnicity in the Straits of Melaka.* Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008. X, 320 p.*

Монография Леонарда Андайя посвящена исследованию этнической истории малайско-язычных народов, обитавших вокруг Малаккского пролива с древности до XIX в. Впрочем, она не касается истории нынешней малайской нации (о ней см. *Milner 2008*).

Книга состоит из введения, семи глав (“Предшественники Малайю”, “Возникновение Малайю”, “Рождение минангкабау” (ethnicization), “От Малайю к Аче”, “Малайю батаков”, “Народы Моря и Малайю”, “*Оранг асли/суку терасинг* и Малайю”) и заключения “Конструирование прошлого Юго-Восточной Азии в этнических терминах”. К этому прилагаются примечания, избранная библиография и индекс.

Наиболее интересная идея Андайя заключается в предположении о важнейшей роли торговли в становлении этнического самосознания малайскоязычных народов. Он реконструирует различные значения термина *malayu*, изменявшиеся с ходом истории, и показывает, как происходило конструирование этничности под влиянием меняющихся условий торговли и стремления отдельных общин достичь максимальной выгоды от использования определенных самоназваний в конкретной обстановке. Андайя уверен в том, что не существовало единого народа малайцев, сохранившихся с древнейших времен до наших дней, – напротив, во II тысячелетии н.э. понятие малайскости (*malayness*) претерпело изменения от обозначения отдельной политики через свойственный обитавшим вокруг Малаккского пролива сообществам тип культуры к имени этноса; вдобавок оно может означать язык и небольшие общины. Андайя замечает, что “неопределенность и множественные значения, которые могли быть извлечены группами из возникновения и традиций Малайю, превратили Малайю в расширительную, выразительную и впечатляющую этничность” (р. 11).

Во введении определяются основные понятия исследования. Под “этничностью” автор понимает способ осмысления мира и действий в нем посредством привилегированного этнического самосознания и соответствующих ему интересов. Этническая группа трактуется как совокупность людей, имеющих общее название, общий миф о происхождении, общность истории и культуры, чувство солидарности между разными стратами общества. Этническое наименова-

---

Антон Олегович Захаров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела стран Юго-Восточной Азии Института востоковедения РАН; e-mail: Zakharov_anton@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ “Формирование цивилизационной общности и современного регионализма в Юго-Восточной Азии”, № 07-01-00081а.